

## 8 декабря. Билибино

Дорогая Вероника!

Знаешь, что во время полярной ночи доставляет особенное блаженство? Сон.

...Если еще способен ощутить в сладкой дреме блаженство и по утрам стараешься хоть на мгновение продлить это безобидное удовольствие — лучших условий, чем полярная ночь, не найти и удачнее места, чем Крайний Север, не отыскать. Широкая, бескрайняя кровать, огромное теплое одеяло и мягкие подушки — добрые спутники и неперемные участники этого блаженства; обволакивающая тишина — обязательное и счастливое условие заветной неги, а темнота — её заботливая сопроводительница. Здесь все это есть! Никуда не надо спешить, нет забот, тревог, нет никого и ничего, что могло бы отвлечь, беспокоить, что прервало бы сон и бросило в круговорот жизни. Всё устроено и оговорено, всё на своих местах, никто не нуждается в твоём участии, ничто не страдает, не разрушается и не пропадает... потому что находится далеко-далеко, оно недоступно, недосыгаемо. Мир отдыхает от твоего присутствия в нём и даёт шанс отдохнуть тебе. Иногда снятся сны. Они выволакивают из небытия давно ушедшие картины, воскрешают оставленные чувства и уже, казалось, забытые лица... Для чего и по чьему велению выхвачены они из закоулков памяти и спустя много лет возвращены? О чем хотят предупредить и от чего предостеречь?.. Впрочем, и сны меня не тревожат. В полузабытьи, лишь на миг приподняв веки, чтобы увидеть за окном синие сумерки и розовую полосу горизонта, я вновь погружаюсь в сон, и нет ничего более драгоценного, чем можно отблагодарить своё тело, которое все еще служит. Надо найти силы и оставить все дела, заботы, хлопоты, умчаться на

конец света, в самые дальние его пределы, и там, забравшись под одеяло, спать долго-долго, столько, сколько возможно. Все обязанности и обязательства, завтраки и обеды, газеты и телевизор, метро, троллейбусы и автобусы, автомобили и поезда, слякоть и дождь, снег и ветер, писклявые дети, нудные жены и еще более нудные мужья, кастрюли, подъезды, конторы, лифты, бумаги, цифры, клиенты, кухни, стирки, уборки... всё прочь! Есть ли такие, которые не мечтают о безмятежном сне и не сетуют: «Ну когда же?» Может, в отпуске? Но кто же спит в отпуске, и без того скоротечном? И уже в отпуске тешим себя, что, вернувшись домой, все же отоспимся. Но куда там! Все наши заботы — от самой большой до ничтожной — против сна. Тогда возникает еще одна иллюзия: — «На пенсии!». Только и это невозможно. Видели ли кто наслаждающихся сном стариков? С нами ли, без нас — они постоянно в тревоге и всегда бодрствуют. Так что же, неужели сон «от души» несбыточен и то, о чем мечтаем, станет возможным, только когда мы переступим порог иного мира и останемся ко всему равнодушными и бесчувственными, потому что нас уже не будет?... Нет, нет, пока живы, надо ехать на Чукотку, причем зимой, в мороз, в стужу, когда здесь полярная ночь и лишь на короткое время светлеет для того только, чтобы более сладким казался сон. Природа смиряет, делает безучастным, убирает самонадеянность и лечит гордыню. Тогда только мы успокаиваемся, и нас клонит ко сну. Сопrotивляться этому - нет никаких сил...

Мне пока не удастся встретиться с пожилой чукчанкой. Она заболела, и дочь попросила перенести встречу. Но если я улечу в Анадырь, то поговорить с нею не удастся, а я чувствую, что могу узнать нечто важное. У меня в Билибино остается всего день.

Еще раз был в больнице. Две роженицы, которые должны были родить под Новый год, произвели на свет мальчика и девочку. Я, конечно, рад, но ведь они были кандидатками на то, чтобы родить Младенца-2000. В утешение меня провели в

родильное отделение и пригласили рожениц. Я им высказал сожаления. Они улыбались и пожимали плечами.

Одна из рожениц — Оксана родила девочку, которую уже назвали Валентиной. Это первые роды. Таких акушеры называют первородками. У Оксаны было желание родить на Новый год, но не получилось. Ей восемнадцать. Русская. Еще не замужем. Отец ребенка работает шофером, ему двадцать восемь лет, зовут Эдиком. Распишутся в скором времени. Что еще? Стеснительная и заспанная. Она только вчера родила, устала, спала, но для разговора со мной её разбудили, и я чувствовал себя виноватым. К тому же я не знал, о чем спрашивать, извинился и больше не тревожил несостоявшуюся первую маму двухтысячного года.

Вслед за Оксаной пришла Татьяна. Она родила мальчика. Ровно через час после Оксаны, в 13:43. Муж Татьяны работает в артели, родители проживают здесь же, в Билибино. Татьяна старше Оксаны на пять лет, выглядит солиднее, и мысли о первом младенце у нее не было. Мне даже стало неловко, когда она сказала: «Какая разница, кто и когда родится?»

Вот и вся история, довольно обыденная, если не считать, что Татьяна — родная сестра Эдика, будущего мужа Оксаны. Таким образом, двоюродные брат и сестра родились в одном роддоме в один день, с интервалом в час.

Если бы они родились в ночь на первое января, я бы прыгал до потолка. Впрочем, и это событие. На улице минус пятьдесят, а здесь в теплых кроватках спят только что родившиеся билибинцы. И пока я разговаривал с Оксаной и Татьяной, по коридору прошла еще одна беременная. Я вопросительно посмотрел на молодого врача Диму, и он сказал, что, возможно, срок подойдет к Новому году. Так что у Билибино шанс сохраняется...

Этот Дима вчера впервые участвовал в родах и помогал акушерам. Сам он выглядит инородным в северных широтах. Кажется, что его занесло сюда какое-то недоразумение. Он похож на сына рафинированных петербургских интеллигентов: тонкий, светящийся, стесняющийся, немногословный, да еще в белоснежном халате, колпаке и очках. И манеры у него

утонченные, и голос высокий. А между тем Дмитрий Анатольевич родился и вырос в Свердловске, в рабочих кварталах Уралмаша, которые дают такую выучку, что затем человек чувствует себя одинаково в высоком кремлевском кабинете и на буровой в тайге, в дорогом парижском ресторане и в зачуханной столовке, во дворце и на нарах... В свое время родители Дмитрия уехали на Чукотку и обосновались в далеком Омолоне. Они и до сих пор живут там. Отец — водитель, а мать — повар. В Омолоне Дима закончил школу. Затем поступил в Хабаровский медицинский институт, по окончании которого, в 1996 году, приехал в Билибино и с тех пор работает в больнице.

— Каково здесь? — спрашиваю его.

— В гости приезжать хорошо, а жить... Холодно, денег нет, добраться трудно, выбраться — еще труднее...

— Уезжать не собираетесь?

— Пока нет. Надеюсь работать реаниматором-анестезиологом до пятидесяти. Если доживу до этих лет — буду жить дальше.

За несловоохотливого Диму досказала главный врач: «Труд у него тяжелый, ответственный, сложный, часто незаметный и не всегда благодарный. Анестезиолог готовит больного к наркозу, затем его проводит, а реаниматолог поддерживает системы жизнеобеспечения и в экстремальной ситуации оживляет человека. В этом случае, а они бывают, Дмитрий Анатольевич в таком молодом возрасте становится у нас самым главным врачом. Но что важно: он относится к больным с уважением, терпением и все, что только можно, для них делает. Если по молодости чего-то не понимает — спрашивает. А вообще, много работает над собой, читает литературу, учится...»

Случалось ли, чтобы Дмитрий, этот робкий, стеснительный, худенький молодой человек, если не сказать мальчик, — спасал от смерти? Ирина Александровна коротко ответила: «Спасал, и не раз».

Вот что Дмитрий рассказал о своем дебюте при вчерашних родах: «Отсосал слизь из носоглотки вакуумным насосом, чтобы

ребенок хорошо и свободно дышал, послушал его, посмотрел, убедился, что здоров. Вместе с акушеркой помыли его, обрезали пуповину, хвостик обработали, прижгли йодом, завернули в одеяло, дали подержать маме, потом положили согреться под специальный прибор».

Говорит, обе мамы — Оксана и Татьяна — были счастливы, рожали спокойно, не кричали...

...Только что позвонили и сообщили, что самолет на завтра отменяется. Значит, мой вылет переносится как минимум на день. Заметь, не на час, не на два, а на день! О причинах никто не спрашивает, словно так и должно быть. Подумаешь, перенесли рейс!

Если удастся встретиться с пожилой чукчанкой — напишу. В письмо вкладываю отрывок из книги Тана-Богораза. Представь, что меня ожидает.

Владимир Германович — личность в этих краях легендарная. Его имя мне не было известно, но всплыло тотчас, как только я собрался на Чукотку. Несколько человек посоветовали прочесть книгу «Чукчи», предупредив, что это большая редкость.

В.Г.Тан-Богораз родился в 1865 году в Волынской губернии. Во Франции могут не знать, что сейчас это Житомирская область суверенной Украины. В семь лет Владимир Германович поступил в гимназию в Таганроге и на переменах мог видеть симпатичного паренька в изношенной обуви, который с грехом пополам, оставаясь дважды «на второй год», закончил-таки это злополучное заведение и получил аттестат зрелости. Впоследствии и паренек (Антон Павлович Чехов), и Тан-Богораз кляли на чем свет стоит эту гимназию, сравнивая ее с тюрьмой. Кроме прочего, им не нравились темы сочинений, вроде этой: «Нет зла более, чем безначалие». Антон Павлович сдал сочинение последним, потратив на него 4 часа 55 минут, и получил четверку. А Владимир Германович... Смотри, что случилось с ним.

В 1880 году Тан-Богораз поступил в Петербургский университет на естественное отделение физико-математического факультета, через год перешел на юридический факультет, но вскоре за участие в студенческих волнениях был выслан обратно в Таганрог. Через несколько лет он был арестован, посажен на три года в Петропавловскую крепость, а затем сослан на десять лет в Средне-Колымск. С тех пор Тан-Богораз связан с Крайним Севером. Он ведет дневник, изучает язык чукчей и эскимосов и пишет рассказы, которые были опубликованы В.Г.Короленко. В 1898 году ему разрешают вернуться в Петербург, где он выступает в Академии наук с докладом о своих этнографических находках. Но в нем еще не умер революционер, из-за чего полиция решает его арестовать и выслать. Тан-Богораз опережает события и спасается бегством. Но не в Женеву, не в Париж, а в Нью-Йорк. Там быстро оценили талант Владимира Германовича и способствовали его развитию. Тан-Богораз выезжает на Чукотку и путешествует на собаках и байдарках, изучая быт, нравы и традиции чукчей. Вернувшись в Америку, он пишет труд под названием «Чукчи», который принес ему признание и славу.

В билибинской библиотеке (каково созвучие!) я открыл для себя эту книгу. Какой еще народ бывшего СССР, включая русский, может похвастать таким исследованием? А специалисты говорят, что и во всем мире нет ничего подобного. Чукчам повезло с Таном-Богоразом, а Владимиру Германовичу с чукчами: писать о них — одно удовольствие.

После революции Тан-Богораз вернулся в Россию, работал в Комитете народов Севера при ВЦИКе, затем в Институте народов Севера, организовал Музей истории религии при Академии наук и руководил им. В 1936 году он умер. Владимир Германович похоронен на «Литераторских мостках» Волковского православного кладбища в Санкт-Петербурге, там, где покоится цвет отечественной мысли и гордость нации, начиная с Николая Александровича Радищева.

---

*Из книги В.Г.Тана-Богораза «Чукчи»:*

«К исполнению обрядов, относящихся к рождению ребенка, приступают с того момента, когда женщина впервые почувствует себя беременной. С этого времени муж и жена, проснувшись утром, должны одеться по возможности быстрее, выйти из шатра и посмотреть по "направлению" утренней зари. Некоторые при этом обегают быстро вокруг шатра посолонь. Исполнив все это, женщина может вернуться вовнутренний полог и зажечь лампу. Желательно, чтобы супруги выходили из шатра вместе. Однако женщина может выйти и одна. Если мужчина выходит первым, он должен взять с собой один сапог жены. Пренебрежение каким-либо из этих предписаний влечет за собой трудные роды. Ребенок будет слабым и болезненным. Будущие родители не должны нарушать обычного правила, согласно которому изголовье постели должно быть с выходной стороны спального полога. Чукчи очень часто нарушают это правило.

Одежду для новорожденного готовят тайно от "чужих людей". В разговоре такую одежду называют иносказательно – "покрышка живота".

Мать ходит и исполняет всякие работы до последней минуты. Считается, что чем больше она будет работать, тем сильнее и здоровее будет ребенок.

Муж и жена спят вместе до наступления родов. В этот период не существует никаких запретов и ограничений относительно их супружеской жизни. После родов муж обычно в течение десяти дней воздерживается от сношений с женой. Считается, что до истечения этого срока в теле женщины остаются следы родов. С другой стороны, если супруги хотят, чтобы у них возможно скорее родился другой ребенок (в том случае, если первый ребенок умер вскоре

после рождения), то они вступают в сношения до указанного срока. Считается, что это полезно для нового зачатия.

Когда приближается время родов, во внутренний полог не впускают никого из пришельцев, "чужих людей". Даже близким родственникам мужского пола не разрешается подходить близко, особенно днем. С ними может войти какое-нибудь невидимое дурное влияние и повредить роженице. Во время родов все мужчины, не исключая маленьких мальчиков, удаляются из внутреннего полога и могут вернуться лишь тогда, когда все следы родов будут убраны. Они могут оставаться в наружном шатре, но должны сидеть очень тихо. Родственницы роженицы могут находиться возле нее, хотя полагается, чтобы присутствующих при родах было как можно меньше. Необходимо лишь присутствие старухи матери или тетки для оказания помощи роженице.

У чукотских женщин вообще существует тенденция свести число помощниц при родах до минимума. Мне известны случаи, когда за отсутствием родственниц помощь жене при первых родах оказывал ее муж.

Как только ребенок покажется на свет, восприемница перевязывает ему пуповину куском сухожилия, в которое вплетено несколько волос роженицы. Сухожилие, конечно, приготавливается заранее. Женщина перерезает пуповину острым камнем, взятым из скребка для шкур, который служит ей для этой цели в течение всей жизни. Обычно он хранится у нее в вещевом мешке. Пуповину оставляют незавязанной. Ее все время натирают толченым углем, до тех пор, пока она не отвалится. Ребенка обтирают заранее приготовленной мочой его матери. Пучок травы, которым производится обтирание, тотчас же сжигается на огне очага.

Оленеводы убивают молодую важенку и готовят в большом котле крепкий бульон из ее грудинки. Воду или снег для бульона приносит муж. В то время, как он наполняет



котел, он кладет поперек его верхнего края деревянную колотушку от бубна и повторяет три раза следующую краткую формулу: "О Солнце! Дай нам теплую воду". Роженица надевает широкую одежду, под подол которой ставится котел с бульоном. Над паром бульона она греет грудь, так как считается, что от этого грудь ее делается мягкой. Она съедает часть мяса и старается выпить как можно больше бульону. Она должна выпить весь котел, и чем скорее она сделает это, тем лучше. Первые две недели после родов роженице дают самую лучшую пищу, тщательно сваренную. Кроме того, она все время пьет крепкий бульон. Считается, что бульон увеличивает количество молока.

Тотчас же после родов бедра женщины крепко перевязывают ремнем, чтобы все кости ее приняли первоначальное положение. Чукчи уверены, что если этого не сделать, то женщина станет болезненной и жизнь ее укоротится. Ремень не снимается в течение трех дней. Все это время женщина по большей части находится во внутреннем пологе и лишь ненадолго выходит в наружный шатер. На четвертый день ремень развязывается, и женщина выходит в наружный шатер и приступает к исполнению домашних работ».